

Проф. С. Я. Лурье

АФИНЫ И КАРФАГЕН В 409—406 гг.

Уже в 1895 г. Радермахер¹ на основании тщательного изучения текста эврипидовых «Финикиянок» пришел к заключению, что в 409—406 гг. отношения между афинянами и карфагенянами были весьма дружественными и что победа, одержанная в 409 г. карфагенянами над союзником сиракузян Селинунтом, вызвала ликование в Афинах. Никаких других данных, кроме замаскированных намеков в этой трагедии, у Радермахера не было.

В 1940 г. крупнейший из современных эпиграфистов Б. Д. Меритт опубликовал со своими комментариями афинскую надпись 407/6 г., найденную в 1939 г. Орландосом при раскопках в Афинах². Надпись эта, как показал Меритт, свидетельствует о дружественных связях между Афинами и Карфагеном. Ни о работе Радермахера, ни вообще о намеках, содержащихся в «Финикиянках», Меритту ничего не известно.

Это совпадение чрезвычайно поучительно для вопроса о допустимости использования греческих трагедий в качестве исторического источника. Я позволю себе поэтому подробнее на нем остановиться.

Из схолии к «Лягушкам» Аристофана нам известно, что «Финикиянки» были поставлены за короткое время (πρὸ ὀλίγου) до «Лягушек», т. е. до 405 г.³. Эта датировка подтверждается и анекдотом, содержащимся у Диодора (XIII, 97), будто афинский стратег Фрасилл ночью перед битвой при Аргинусах (т. е. в конце лета 406 г.) видел во сне постановку «Финикиянок» — очевидно, «Финикиянки» были в это время последней театральной новинкой, о которой тогда только и говорили. С другой стороны, содержащийся в ст. 854—857 пьесы намек на блестящую победу Афин не позволяет отнести пьесу ко времени ранее 409 года⁴.

Л. Радермахер обратил внимание на то, что хор в «Финикиянках» составлен из финикийских женщин, случайно оказавшихся в Фивах во время осады. Маршрут, каким они прибыли из «Тирийского моря», с «Финикийского острова» в Фивы, — поразителен: они плыли по Ионийскому, т. е. Адриатическому, морю (ст. 207: Ἰώνιον κατὰ πόντον); причем дул попутный ветер Зефир, дующий, как известно, с запада на

¹ NJKPh, 151, 8195, стр. 236.

² B. D. Meritt, Athens and Carthage, «Athenian Studies presented to W. S. Ferguson» («Harvard Studies in Classical Philology», Suppl.-vol. I), Cambridge, 1940, стр. 247.

³ Schol. in Aristoph. Ranas, 53.

⁴ В испорченной схолии к пьесе она датирована архонтом Навсикратом (ἐπὶ Νησικράτους), но такого архонта в списке афинских архонтов нет.

в о с т о к (ст. 211—213: Ζεφύρου πνοαῖς κάλλιστον κατέδρημα); при этом они плыли по морю, прилежающему к Сицилии (ὕπὲρ ἀκαρπίστων πεδίων Σικελίας).

Достаточно взглянуть на карту, чтобы понять всю нелепость подобной поездки¹. Разгадку мы находим в трагедии Эврипида «Троянки», поставленной в 415 г., где Адриатическое море названо «Ионийским» и о нем также говорится в связи с «Финикией». Но так как о Сицилии здесь сказано, что она лежит «против Финикии» (ст. 207 сл.: Φοινίκας ἀντήρη χώρην Σικελῶν ὀρέω), а об Италии, лежащей на Ионийском море, сказано, что она «смежна с Сицилией» (ἀγγιστεύουσα), то уже Гартунг² и Полде³ сделали отсюда правильный вывод, что под «Финикией» и «Тирским морем» и в «Финикиянках» разумеется не азиатская Финикия, и не море, омывающее Тир в Азии, а Карфаген и омывающее его море (карфагеняне очень часто в античной литературе называются «тирянами», «финикиянами»). Не может быть сомнения, что это толкование правильно: для чего было бы из финикийского Тира плыть в Фивы и Дельфы мимо Сицилии и как мог Зефир быть попутным?

Правда, в ст. 204 говорится, что финикиянки прибыли с «Финикийского острова» (Φοινίσσας ἀπὸ νήσου): Тир действительно лежит на острове, а Карфаген—на материке Африки, на полуострове. Но Радермахер показал, что в поэзии полуостров иногда называется просто островом⁴.

Конечно, это выражение остается неясным, туманным и двусмысленным. И это не случайно: как указали уже Готфр. Германи в 1811 г.⁵ и Л. Радермахер в указанной выше статье⁶, это довольно обычный художественный прием древних трагических поэтов: для его применения особенно удобны хоровые части вроде разбираемого нами места, так как они по традиции пишутся туманным, малоразумительным языком, являясь цепью загадок для слушателя. В таких случаях автор нарочно выбирает неясное двусмысленное выражение, которое в духе обычной символики хоровых партий может быть с большим или меньшим трудом истолковано из мифологических предпосылок трагедии, но которое сразу же становится ясным и недвусмысленным для зрителей трагедии, если понять его как намек на текущие политические события, волновавшие зрителя в это время.

В моей (к сожалению, пока не напечатанной) докторской диссертации (стр. 54—56, 317, 322 и др.) дан ряд ярких примеров применения этого приема.

Прибытие финикиянок, посланных в дар Аполлону в честь одержанной финикиянами (resр. карфагенянами) славной победы (ст. 203: ἀκροθίνα

¹ И древние и новые авторы предлагали различные ухищрения, чтобы избежать этой нелепости. Так, например, схолиаст решил, что под Ионийским морем здесь подразумевается море, прилежащее к Эвбеи, ибо Эвбея—ионийская страна, а под Сицилией здесь якобы разумеется маленький островок Сицилия, лежавший между Авлидой и Эвбеей.

² Hartung, Euripides restitutus, стр. 211.

³ F. Polle, Quaestiones Fleckeisenianae, 1890, стр. 44.

⁴ Ср. название Ηελοπόννησος; у Софокла (Oed. Col., 695) вместо того, чтобы сказать «в Пелопоннесе», говорится ἐν τῇ μεγάλῃ Δωρίδι νήσῳ.

⁵ G. Hermann, Euripides Supplices, comm. in v. 784 (= v. 764 Dind.): «Quamvis enim haud satis apte haec sententia expressa videtur, si ea, quae in scena aguntur, spectes: tamen aliter iudicandum erit, si eam temporibus accommodatam ab Euripide esse statuas».

⁶ Стр. 237: «Tenemus Euripidem obscure et ambigue loquentem, itineris ambages Ulixis erroribus similes fingentem... si causa erat, cur, quo tenderent verba illa, auditores statim perspicerent».

Δοξία, ст. 214: πῖλεος ἐκπροκρίβεῖτο' ἐμᾶς καλλιστεύματα Δοξία), должно было, очевидно, напомнить зрителям о какой-то славной победе, одержанной карфагенянами незадолго до постановки пьесы. Действительно, уже в 410 г. вскоре после катастрофического поражения афинского войска в Сицилии, карфагеняне, как отмечает Радермахер, начали вмешиваться в сицилийские дела. В 409 г. вождь карфагенян Ганнибал, сын Гескона, в союзе с Эгестой, старинным союзником Афин, разбил наголову Селинунт, союзника сиракузян и, следовательно, пелопоннесцев (Diod., XIII, 43 сл.). «Эти победы в Сицилии подняли дух карфагенян; решив подчинить себе весь остров, они постановили набрать большое войско. Выбрав стратегом Ганнибала, разрушившего Селинунт и Гимеру, они предоставили ему неограниченные военные полномочия. Он просил освободить его от этих обязанностей, ссылаясь на свою старость; тогда карфагеняне выбрали ему в товарищи другого стратега, Гимилькона, сына Ганнона, из того же рода, что и Ганнибал» (Diod., XIII, 80, 1—2). «Можно представить себе,—говорит Радермахер,—какую радость и какое утешение известие об этой победе, получившееся в Греции, доставило афинянам, не забывшим ужасного сицилийского поражения. Эта радость усугублялась еще тем, что победа была одержана в значительной мере бывшими матросами афинского флота, ливийцами и кампанцами, перешедшими после сицилийского поражения на службу к карфагенянам» (Diod., XIII, 44).

Исходя из всех этих соображений, Радермахер постулировал в 407—406 гг. карфагенское посольство в Грецию, которое везло ἀχροβία в греческие храмы; он указал на сообщение Юстина (XIII, 7), из которого мы узнаем, что у карфагенян было в обычае посвящать десятину от своих военных трофеев в храмы.

Разумеется, это предположение оставалось весьма проблематичным: Марри и Пауэлл ограничились заявлением, что они «не отвергают» (non rejected) его¹.

Надпись, впервые публикуемая Мериттом, оказалась частью того же декрета афинского народного собрания, что и ранее известный фрагмент IG I^a, 47. Правда, оба фрагмента содержат лишь по несколько букв в каждой строчке; но так как формуляр афинских декретов этой эпохи нам точно известен и надпись написана στοιχῆδον, то восстановление, предложенное Мериттом, можно считать в основном правильным.

В ст. 10 с несомненностью дополняется Ἄννιβα γ (асс.) ἑσχαίος, в ст. 16: Ἱμῖλκον υἱ Ἀννός. Так как Гимилькон был назначен в стратеги в помощь Ганнибалу только в 407 г., а в 406 г. Ганнибал уже умер (Diod., XIII, 86, 3), то надпись точно датируется 407/6 г. В ст. 9 читается ἐς Σικελίαν...; зная формуляр афинских декретов, соответствующее выражение Меритт дополняет почти с полной несомненностью: [κέρουα δὲ Ἀθηναίων αὐτίκα μάλα] ἐς Σικελίαν πέμψαι πρὸς στρατηγὸς Ἄννιβα γ ἑσχαίος καὶ Ἱμῖλκον υἱ Ἀννός, αἰεῖσόντα]ς αὐτοὺς φιλίαν καὶ χσφμχυίαν]. («Послать немедленно послов афинян в Сицилию к стратегам Ганнибалу, сыну Гескона, и Гимилькону, сыну Ганнона, чтобы просить у них дружбы и союза»).

Строки 17—20 уже Гиллер-фон-Гертринген в 1925 г., а вслед за ним Меритт (с небольшими изменениями) дополняют так: ἐπαινέσαι δὲ καὶ τοὺς κέρουα]ς τοὺς [Ἀθηναῖς ἀφ' ἑμῆς ὅτι εἰσὶν ἄνδρες ἀγαθοὶ περὶ τὸν δῆμον τὸν Ἀθηναίων. καλέσαι δὲ] καὶ ἐπὶ χσένια ἐς τὸ προταγεῖον ἐσχαίον (Ἐπαινεῖτε послов, пришедших в Афины, за то, что они благорасположены

¹ J. U. Powell, The Phoenissae of Euripides, ed. with introduction and commentary... Lond., 1911, глава «The date of the play», стр. 37 и 156.

к афинскому народу и пригласить на обед в пританей на завтра»). Отсюда мы видим, что карфагенские послы, как уже раньше предположил Радермахер, действительно прибыли в Афины в 407/6 г.; что афиняне приняли их с большими почестями и решили в ответ на это посольство послать свое посольство в Сицилию, к стратегам Ганнибалу и Гимилькону с просьбой о заключении союза дружбы¹. Если бы и дополнение стр. 6—8, предложенное Мериттом, было правильным, оно свидетельствовало бы об особенно тесной связи между афинянами и карфагенянами: согласно этому дополнению все государство карфагенян объявляется «благодетелем» (εὐεργέτας) афинян: ἀ]ναγρ[ά]φσαι δὲ Καρχηδονίος εὐεργέτας Ἀθην[α]ίων τὸν ὑπ[ο]γραμμάτ[η]α τῆς βολῆς ἐν πύλ[αι] ἐστέλ[λ]ει λιθίν[ῃ] («Пусть секретарь совета запишет карфагенян благодетелями афинян в акрополе на каменной стеле»). В конце V в., когда Афины оказались в тяжелом положении, такие случаи действительно имели место: Меритт ссылается на постановление о галикарнасцах IG I² 110a (410/409 г.): ἀν[α]γρ[ά]φσαι τὴν πόλιν τῇ Ἀλ[ι]καρνασσεῶν [εὐεργέτιν Ἀθηναίων ἐν σ]τήλῃ λιθίν[ῃ]. Однако такое дополнение вовсе не необходимо; вместо ἀ]ναγρ[ά]φσαι δὲ Καρχηδονίος можно с одинаковым правом, сохраняя то же число букв, дополнить ἀ]ναγρ[ά]φσαι δὲ τὸς ἑχόντας и т. п.

Как бы то ни было, предположение Радермахера в этом случае блестяще подтвердилось. Это показывает правомерность восстановления исторических событий из намеков в греческой трагедии—метода, широко примененного мною в моей диссертации.

С другой стороны, мы лишний раз убеждаемся в том, как мало соответствуют действительности разговоры о глубоком «панэллинистическом чувстве» греков. Греки были хорошими патриотами, но не патриотами никогда не существовавшей «Эллады вообще», а своих родных государств—Афин, Спарты, Коринфа и т. п. Никакого расового характера этот патриотизм не носил; на расовых чувствах велась лишь низкая игра политическими интриганами. В 409—406 гг., когда спартанцы отдали под власть персов всех малоазиатских греков и заключили с «варварами»-персами прочный военный союз, афиняне, со своей стороны, возликовали, узнав, что «варвары»-карфагеняне разрушили ряд греческих городов, бывших в союзе со Спартой, и собираются завладеть всей Сицилией, попавшей после 413 г. в сферу спартанского и коринфского влияния. Они обменялись посольствами с Карфагеном и заключили с ним союз дружбы.

Связь греческих демократий с Карфагеном засвидетельствована и для последующего времени. Так, молодая беотийская демократия в 365 г., вскоре после отпадения Беотии от Спарты в результате революции 479 г., дает звание «проксена и евергета» представителю правившего в Карфагене «царского» рода Ганнибалу, сыну Гасдрубала (IG, VII, 2408: Ἀνίβ[α]λ[ος] Ἀ<ρ>ούβω), бывшему, как показал Г. Глотц, представителем Карфагена в Фивах. К сожалению, я пока лишен возможности остановиться на этом вопросе более подробно, так как статья Глотца² мне еще недоступна.

¹ Начало надписи представляет собою шаблонный прескрипт с обозначением имен эпистата и других должностных лиц. Наличие демотика при этих именах характерно для конца V в. Вторую фразу (стр. 3—6) Меритт дополняет: [χέρυλαι μὲν δὲ ἄρ[ε]ξαν Καρχηδόνιοι, πρόξοντες ἐναὶ πρὸς τὸν δῆμον, ὅτα[μ]περ πρότον ἐκκ[λ]ασία κυρία γένεσται. («Дать слово в народном собрании послам, которых послали карфагеняне, на первом же регулярном народном собрании»). Это дополнение меня не вполне убеждает, а выражение ἀ-ῆξαν «послали» довольно необычно.

² G. G l o t z, Un Carthaginois à Thèbes en 365 av. J. C. («Mélanges Jorga», 1933, стр. 331—339).